

Андрей Ашкеров

Интеллектуалы и модернизация

«Европа»

2010

Ашкеров А. Ю.

Интеллектуалы и модернизация / А. Ю. Ашкеров — «Европа», 2010

Новая книга известного российского мыслителя Андрея Ашкерова – о том, как модернизация делает общество изобретателем и первооткрывателем, а каждого из нас – инженером-конструктором собственной судьбы. Модернизация не сводится только к индустриальным, информационным или политическим технологиям. Технологии можно заимствовать, а модернизация не может состояться, если она равнозначна импорту. Суть модернизационного процесса – в создании новых форм жизни и деятельности, поэтому субъект модернизации не существует в готовом виде. Когда вопрос о модернизационном субъекте не терпит отлагательств, на политическую авансцену выходит партия воображения.

© Ашкеров А. Ю., 2010

© Европа, 2010

Содержание

Введение	5
Конец ознакомительного фрагмента.	8

Андрей Ашкерov

Интеллектуалы и модернизация

Введение

Многочисленные рассуждения об интеллектуальном, креативном или ответственном классе вызывают ощущение, что инициаторы этих рассуждений апеллируют к готовой реальности, исключительно пригодной на описания и рефлексии. На проверку оказывается, что чем больше появляется описаний полувиртуальных групп, призванных занять «свято место» старой интеллигенции, тем более явственно это место превращается в пустошь.

Казалось бы, если рассуждать в русле конструктивистской социологии, должно было происходить обратное: интенсивность описаний и самоописаний обеспечивала бы интенсивность существования. Более того – гарантировала бы соответствующее право. Однако этого не происходит: апелляции к новому интеллектуальному классу не столько сгущают его реальность, сколько превращают в призрак, в любой момент готовый развеяться по ветру. И это при том, что есть разнородные с точки зрения идеологии и профессиональных ценностей группировки интеллектуалов, в которые входят настоящие чудесники околосоциальных классификаций.

Проблему эту понять проще, чем кажется: чем больше производится классификационных схем, тем меньше веры они вызывают у самих производителей. Интеллектуалы впали в радикальный номинализм: они узнают себя по отдельности и кажутся себе больше любого целого – будь то нация, класс или группа. Они выпадают из любого коллективного «мы», если это «мы» превосходит размеры микрогруппы (или случайной коалиции микрогрупп). Ни одна модернизация не может состояться, если не возникает социальной силы, способной соотнести с ней свои возможности и помыслы. Интеллектуальный класс в ситуации модернизационного процесса находится в обязывающей и двойственной роли:

*он увязывает образ будущего с границами собственной идентичности
(которая является предметом постоянной заботы интеллектуалов).*

С мировоззренческой точки зрения любая модернизация начинается с увязывания трех групп вопросов: проблематики существования, проблематики становления и проблематики политической автономии. Увязать эти вопросы можно только одним способом: осознанно придав сюжетность своему присутствию в истории, сделав это присутствие предметом планирования и управления. Классическая версия модернизации предполагает при этом распространение определенной сюжетной схемы на всю историю в целом. Если государство, по словам М. Вебера, предполагает монополию на насилие, то ранний модерн начинается с монополии на историческое участие (не стоит видеть в этом лишь проявление произвола, ибо без такого насилия история никогда не могла бы стать «всемирной»).

Сегодняшний сумеречный поздний модерн означает возвращение к описанной ситуации раннего модерна: попытки демонизации истории (и создание альтернативных форм исторического монополизма) лишь подтолкнули ее фиксацию где-то в зоне «перед концом». Вместе с тем модернизация не соответствует своему названию, если тот, кто решается на нее, довольствуется апробированными схемами исторического участия. Модернизация – не просто сумма технологических нововведений или политический курс. Это определенный тип исторической коллизии, суть которой в том, что

*герой решается выступить в качестве автора, то есть соединить
самоописание и действие*

(с жанровой точки зрения модернизация как текст соотносится, конечно, с литературным реализмом). Так вот, именно этого не хватает представителям старой интеллигенции, принципиально разводящим практику и рефлексию, ну и, разумеется, рассматривающим рефлексию как алиби безошибочности (деятельность всегда предполагает ошибки).

Если обозначить вопрос о модернизации не в стилистике мировоззренческих рассуждений, а в стилистике гуманитарно-технологических решений, то звучать он будет, по нашему мнению, как вопрос о практической историографии. Модернизация начинается с обозначения структуры и «плотности» истории, с периодизации, отделяющей «до» от «после», с определения исторических целей, с придания истории направления и смысла. Стоит повториться еще раз: для интеллектуального класса это не просто абстрактно-теоретические вопросы, которыми он занимается профессионально или «из интереса». Это вопросы, сводящиеся к главному для него вопросу – вопросу об идентичности, к выяснению того, кем является он сам.

В то же время начиная с эпохи Просвещения западный интеллектуальный класс не случайно определяет себя как агента современности: тем самым принципы исторического участия не столько превращаются в предмет рефлексии, сколько реализуются как практическая программа, без которой интеллектуальный класс – «никто». Напротив, в ситуации сегодняшней России интеллектуальный класс почти исключительно предпочитает роль «великого анонима». Никакого действия – только чистая рефлексия! Однако

*тот, кто отвергает право на ошибку, ошибается во сто крат больше,
нежели тот, кто готов ее совершить.*

При этом историческая рефлексия интеллектуалов сводится к продлеваемой до бесконечности ревизии предыдущего опыта, а по возможности – и к аннулированию его итогов (правые аннулируют советский период, левые – дореволюционный). В итоге заведомо противоречивое историческое повествование заменяет гладкопись, а историческое участие отталивается от гиперрефлексивной безучастности (интеллектуалы, к слову сказать, часто путают апатию как блокировку чувственного восприятия и апатию как форму героической суровости, для которой нужна особенная подготовка). Статус «великого анонима», чуждого любым формам социальной сборки, превращает интеллектуальный класс не только в главную силу, но и в основную проблему модернизации. Причем решить эту проблему может только он сам.

Начало решения этой проблемы – в разработке новой практической историографии, которая позволила бы отказаться от нынешней криптомарксистской историографической системы, основанной на формационной методологии и признании России частным случаем «азиатского способа производства». В каждом из двух элементов существующей историографии нет ничего особенно вызывающего, однако, соединенные вместе, они оборачиваются невероятным комплексом по отношению к историческому участию как таковому.

«Азиатский способ производства» основывает свое могущество на превращении коллективной жизнедеятельности в объект собственности носителей верховной власти и принципиальном ограничении любых форм интенсивного исторического участия (это проявляется в том, что так называемые восточные общества в наименьшей степени поддаются описанию с точки зрения разнообразных эволюционистских спекуляций). Назвать ленинско-сталинскую модель общества «азиатской» было бы неправильно уже с точки зрения того, что она предполагала не только интенсивное историческое участие, но и сама стремилась задавать критерии такой интенсивности. Однако хуже другое: критика русской «Азии» оборачивается апологетикой собственности государства на практики сосуществования и коллективного труда – в этой форме собственности усматривается корень российской цивилизационной самобытности (с каким бы знаком ни рассматривалась последняя). С политической точки зрения аналитика сменяющих друг друга формаций представляет собой наиболее легкий способ придать объек-

тивистскую форму представлениям об историческом процессе как эстафете и притязаниям на всемирно-историческое лидерство.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.